

времени, стоимость иска — один рубль двадцать копеек. Вот и возьми те деньги и уходи! Он выбросит из собственного кармана деньги и на этом кончатся дела.

Нарочные развозили по всем деревням и селам красивые пакеты с манифрестом Царя о мобилизации солдат на войну, а на полях продолжалась кипучая отчаянная работа: утирали рожки, косили траву, стирывали белье, пахали поля. Встоду кард, велоду работа.

Яков Андреевич и Соломиня Яковлевна только, что закончили жатку рожки, посеяли куку на одной четверти десятины. Они составили стоки в куки, ездили серны и поили к телеге.

— Какой прекрасный этот месяц июль. Все растет, цветет, поспевает. Просто же карадуемся, не надвигаемся араматкем воздушном, — сказал Яков Андреевич, смывая с плеча серну.

— А в лесу — одна красота, сколько там размак! тинек и все поют, как вытывают разными голосами и это целый день. Как должно я люблю когда иволга кричит. Так бы и отталиса здесь пожевать. Ты не возвращай бы? — спросила Соломиня Яковлевна.

— Я всегда горюю. Косевате, так косевате. Оботри-ка мать, косевате говорите, а как с короной? Эё ведь доити мадо.

— Правильно, доити мадо. Я и не подумала об этом, увлеклась природой-то.

— Знаюли маюбка оттаждет, но пока солнце не закатится, домой не поедет. Сейчас поедунаи, маюлине отдоиел и будуи в лесу траву косети.

— Ты коси, а я вотрур берез будуи сертом срезати, согласен?

— Согласен.

— Смотри-ка, смотри-ка, оти! Это что? Это-то гонити сертом на кошади, крутиши и рурой маюети, что те это?

— Где та видиши?

— Да, вои, туда смотри.

— Так это те Пилигримов Иван Фили-
тович, что он гонит? Кериши пожар? Так не-
слишиши веде, надиат не дьют и дьисы не видю --
чирпилишиши смотриш Яков Андреевич в сторо-
ну сева. — а маюли чирпики кто?

— Сидмай-ка, сидмай-ка, что он кричит,
почо те кричит — «В война!»

— Да, ну «В война», какая тебе война!

— У нею веде не скоро поймаш. Вот к
Лидиаконьши подреши с Яковлеви, это-то
разговариваш. Ты ~~я~~ сделаи бы, чинаи.

— А вот и к маю едет.

— Во., во., во-и-ка-а! Все домои!

05

Староста велел, — заикался хорюгой Иван Филиппович.

— Война? — удивленно переспросил Яков Андреевич.

— Да, да! Все дружи! — подтвердил Иван Филиппович и погнул губы.

— Неужели правда война? — тревожным голосом спросила Соколия Яковлевна. Она таловито вздвинула на мужа, потом на сына Федю, вправившего у Терезы, вытирая фартуком на детявские слезы.

— Конечно, зря не пошлют человека, бедняку, что-то есть. Шта, матас, содирай всё и складывай в телегу, а я буду лошадей запрашивать. Вот тебе и кошевка в поле, вот тебе и после заката солнца досед, — раздраженно говорил Яков Андреевич.

Все конечно, кончили маршкое трудоее орн. Люди в избушке молчаливо проеали работу, с ижевом и болото в душе запраями лошадей и уезжали домой, покидая родные поля.

То всем дорогам стучали колеса, брякали телеги. Везде ехал народ, отставая по воле царя несколько милью ронс, не вставивше пара, неударивше сел в оттога. Думал ли кто, что сегодншнее утро было последним утром въезда в поле. Вечер ли кто, что сегоднш придется проститься

с любимыми травками зеленой цветущей пше-
нницы, которую вот-вот можно уже уда-
рать. Простылись с тем местом стоянки,
где ставили телеги, встряпали лошадей,
Простылись с той оудрявой березкой, под
тенью которой Варина обед, пила чай,
отдыхала. Все это для крестьянско-
труженического являлось самым ~~дорогим~~ дорогим
сопровождением, без чего не возможна жизнь на
земле. И вот, по воле Царя, всё это
надо отставить и идти на войну.

Солнце еще высоко, высоко, а весь народ
уже был один. Вокруг ~~дома~~ ^{многих} домов слышался
плач. Плакали жены, плакали дети, пла-
кали отцы и матери, плакали все.

Мобилизованные призвали к старосте
и зваными манакрест Царя о войне.
Сельский писарь Бодякин Прокимий Таврило-
вич, ~~заведующий~~ - закончил чтение манифеста
подписав, что завтра в четыре часа по-
пытаем мобилизовать будут служители моле-
бен, после тем все мобилизованные группы
сразу же отправят в город Курган, явятся
в воинские присутствия, от куда будут
направлять на фронт.

Воспичав манакрест, мобилизова-
нные манакрестом расходятся по домам. Все
было ясно, что надо брать в руки винтов-
ку, идти на фронт и защищать Царя

Пакос урх было покатио в войну. Раз война,
жакити надо замишати Каря.

— Что те это? Проволати на войну,
а кабак закрыли? — сказал ютто из мобилизо-
ватинь.

— Идети к Эвгена Прохоровна, ну, сие
оттворюй. Ведь надо же на прохавсе..!

— Правильно; идети на прохавсе.

— Не потреси, а потредуем!

— Правильно! Потредуем! — кричали моби-
лизватинь, и все направиле к Эвгена Прохоровна.

Завидев толпу мобилизоватинь, под-
бежавши к Эвгена Прохоровна
сразу толкло, она встала на крыльцо и
сказала:

— Я догадывалась, вы пришли просите,
что бы я открыла кабак. Этого сделать
я не могу. Эти отрогий приказ Чуриного
Исправника, закрытие кабак до особых
указаний.

— Как надо была и дидте мобеза
отпуститте!

— Не могу, поверте, что не могу!

— Мы тудее! Эвгена? Предуем!

— Мы идети на войну Чуриного за
Каря и отесотво! Все потнишате это?

— Все потнишате, но открити не могу,

Мобилизованные настаивали, что каза-
васей и на горных в землях Прокоровна сти-
макивалась рукава. Ты-то руки тая-
ми к ней вздыме за грудь, она нектово
затрещало:

— Прекратите безобразие! Иначе я
позову урядника! Претите, что вы де-
лаете, порвете мне кофточку!

Ка Кувалдег волютого правельней
появился урядник. Он поглядел на них и громко
сказал:

— Господа мобилизованные! прекра-
тите шум и идите дружок!

— Никонай Кувалдег! Ксержены вы
не понимаете, что Нам Нуримо? — обратил-
ся кто-то из мобилизованных к уряднику.

— Понимаю! И вы тоже дружок по-
намте, что естие пришею о затрещенные
предостерегаю вадно. Надр содидодити
дисциплину!

Сравнись на слова урядника, моби-
лизованные разошлись.

Не смотря на то, что кабак был закрыт,
однако пидних было много. Многие вержены
Панашика-Потерясака, у которых заныс вадно
был в изобилии. Геси Нос до рассвета и
на завтра до отправки молод урядни, на-
тались на парях лондере, ходили туфлями.

85